

№ 100
2010
30 октября

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

ПАМЯТНИК «ПРОЩАНИЕ» В БАРНАУЛЕ

В Барнауле на площади Свободы 4 ноября состоялась церемония открытия памятника «Прощание. Жертвам политических репрессий посвящается». Монумент создан по проекту скульпторов Прокопия и Анатолия Щетининых и архитекторов Елены и Алексея Крыловых. Бронзовая скульптура высотой 4,5 метра и весом 3,5 тонны воплощает отчаяние: мальчик, обхвативший отца, и мужчина, который не может ответить на обятия сына из-за того, что у него связаны руки.

Композиция была создана еще в 1987 году алтайским скульптором Прокопием Щетининым. Три года назад его сын, художник Анатолий Щетинин, показал фотографию изваяния российскому предпринимателю Александру Лебедеву и известному политику, выходцу с Алтая Владимиру Рыжкову. Первый выразился профинансировать создание памятника, а Рыжков взял на себя роль координатора. Инициативу подхватили бизнесмены Михаил Задорнов, Дмитрий Зимин, Михаил Прохоров, фонд Бориса Ельцина, алтайские предприниматели. Модель для отливки сделал Щетинин-младший.

Площадь Свободы едва вместила всех пришедших на церемонию открытия памятника. Помимо представителей алтайской общественности, на мероприятие прибыли гости со всей страны: журналисты федеральных изданий, видные общественные деятели, пишет «Новая газета».

Председатель Правления Международного «Мемориала» Арсений Рогинский отметил, что в общей сложности в стране около 800 памятных знаков, посвященных жертвам репрессий. Но в основном это кресты, установленные на местах бывших лагерей, да закладные камни, так и не сменившиеся памятниками. А вот таких достойных скульптурных композиций на центральных городских площадях совсем немного. Ни в Москве, ни в Петербурге их до сих пор нет. Поэтому открытие памятника «Прощание» без преувеличения – событие федерального масштаба.

Ветеран войны, бывший узник Норильлага Лев Нетто в своем выступлении коснулся проблемы мемориализации памяти жертв тоталитаризма в целом и погибших узников Норильлага в частности. Свой доклад он передал для публикации в редакцию «30 октября».

Текст речи Нетто на с. 6 ➤

ВЧЕРА. СЕГОДНЯ. ЗАВТРА

У СОЛОВЕЦКОГО КАМНЯ «ВОЗВРАЩАЛИ ИМЕНА» И ВЫСТУПАЛИ ЗА СВОБОДУ НЫНЕШНИХ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

В Москве у Соловецкого камня на Лубянской площади 29 октября прошла традиционная акция «Возвращение имен», организованная Обществом «Мемориал». На следующий день на том же месте состоялся митинг против политических репрессий и в защиту жертв политических преследований. Оба мероприятия были приурочены ко Дню политического заключенного в СССР, отмечаемого 30 октября. Однако если накануне этой даты у здания бывшего КГБ вспоминали имена тех, кто стал жертвой советского террора, то 30 октября у Соловецкого камня больше говорили о людях, которые сегодня, по мнению участников митинга, отбывают срок за то, что тем или иным образом выразили свое несогласие с политическим курсом страны.

29 октября

29 октября у Соловецкого камня проводилась традиционная акция «Возвращение имен». В течение 12 часов – с 10 утра до 10 вечера – на Лубянской площади звучали имена тех, кого расстреляли в Москве «по политическим мотивам». Каждый, кто пожелал, подходил к импровизированной трибуне, установленной у камня, и зачитывал в микрофон краткие сведения о пяти жертвах сталинских репрессий: имя, фамилия, отчество, возраст и место работы на момент ареста.

Фамилии шли по алфавиту. «Анашкин Иван Егорович, 67 лет, пенсионер, расстрелян 4 июля 1938 г. Ангер Ян Петрович, 34 года, командир полуторы связи Московской Пролетарской стрелковой дивизии, расстрелян 28 февраля 1938 г. Андерсон Вольдемар Петрович, 47 лет, художник, расстрелян 3 февраля 1938 г. Всего – 30

тысяч имен. За 12 часов прочесть можно чуть более трех тысяч.

Чтение списка нередко прерывалось. Участники акции читали поэтические отрывки из произведений классиков и четверостишия собственного сочинения, называли имена своих родных и близких, которых коснулась «машина советского террора».

«Мой отец – Михаил Семенович Никольский», – завершила зачитывать список Татьяна Ивановна Никольская. Родители Татьяны Ивановны были репрессированы. Ее мать как жену врага народа сослали в поселок Долинка, в Казахстан. Там она познакомилась с отцом Татьяны Ивановны, «которому давали три раза по десять лет». Каждый год, приходя к Соловецкому камню, Татьяна Ивановна вспоминает и первого мужа своей матери – члена-корреспондента Академии наук, инженера Дорогомиловского хи-

мического комбината Михаила Никольского. Именно его у Соловецкого камня она назвала отцом. «Его забрали 8 декабря 1937 года, когда расстреляли – неизвестно», – рассказала Татьяна Ивановна. Сама она прожила в лагере для заключенных вместе с матерью пять с половиной лет. «Безумно хотелось есть, безумно хотелось играть, как любому ребенку, – вспоминает она. – Я была лишена детства». С тех пор, по ее словам, многое изменилось, неизменным осталось лишь то, что государство, по сути, так и не признало вину за случившееся. «Статья 53 Конституции говорит о том, что государство, принесшее вред народу, должно извиниться и возместить материальный вред», – констатирует Татьяна Ивановна, – но на сегодняшний день мы ничего фактически не имеем. Мы неоднократно писали письма президенту, просили, чтобы нам возместили хотя бы материальный вред, не говоря уже о моральном. Но от этого нет никакого толку – письма до президента не доходят. Они спускаются на региональный уровень, а там говорят – нет денег. Сейчас я на пенсии, но мне приходится еще и работать, потому что жить только на пенсию невозможно».

Однако не во всех странах бывшего СССР, как говорит Татьяна Ивановна, такая ситуация. В этом году она за собственные деньги ездила на родину, в Казахстан. Туда ее пригласили для участия в международном форуме, организаторами которого выступили исторический факультет МГУ и Ассамблея народов Казахстана. «Нас пригласили официально, как родившихся там, как детей отбывавших наказание», – пояснила она. После поездки Татьяна Ивановна написала президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву письмо с благодарностями. «Я поблагодарила его за то, как был организован форум, как к нам относились, как нас приветствовали, и прочее. В России мы такого не имеем», – посетовала Никольская.

Окончание на с. 2 ➤

В НОМЕРЕ:

Санкт-Петербург.
«Треугольник террора»:
пока только троеточие

с. 3

Архангельск.

Александр Дударев: мы с Михаилом Супруном стали жертвами политических репрессий

с. 4

В учебной литературе происходит реабилитация сталинщины

с. 5

Мурманск.

По проспекту Сталина-Ленина – в небытие

с. 7

«Обвинение Гинзбурга не состоятельно».
Речь Бориса Золотухина на «процессе четырех»

с. 9

Троцкист Псалмопевцев

с. 10

Их сроки списали на время

с. 11

НЕКРОПОЛЬ НА ЗАЯЧЬЕМ ОСТРОВЕ – ЗНАКОВЫЙ ДЛЯ ИСТОРИИ XX ВЕКА ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Д.А.МЕДВЕДЕВУ

В № 99 «30 октября» вниманию читателей было предложено интервью члена Правления Международного «Мемориала» Александра Даниэля «У стен Петропавловской крепости обнаружена первая могила жертв «красного террора»». Собеседник газеты рассказал о принципиальной важности находки и сообщил о намерении «Мемориала» обратиться к Президенту РФ с призывом придать федеральный статус исследованию и мемориализации местности между стеной Головкина бастиона и Кронверкской протокой. Обращение было направлено Д.А. Медведеву 28 октября, накануне Дня жертв политических репрессий.

Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Начиная с 1960-х годов при проведении земляных работ у стен Петропавловской крепости близ Головкина бастиона регулярно обнаруживались останки людей с характерными пулевыми ранениями. В годы советской власти эти находки, естественно, замалчивались. Однако предположения, что это – останки тех, кто

был расстрелян в период «красного террора», высказывались уже тогда: было известно, что в годы Революции и Гражданской войны крепость продолжала использоваться как место заключения.

Пресса впервые заговорила об этом в 2007 году, когда при проведении очередных земляных работ на Заячьем острове было обнаружено

очередное захоронение. Однако директор Музея истории Санкт-Петербурга, в чьем ведении находится Петропавловская крепость, категорически отказался проводить комплексное археологическое обследование территории – для этого пришло бы приостановить строительство запланированной Музеем коммерческой автостоянки.

В декабре 2009 года, при строительстве автотрассы, ведущей к стоянке, в районе Головкина бастиона вновь было обнаружено захоронение. В братской могиле, на которую наткнулись экскаваторщики, находились останки около двух десятков человек. На этот раз археологическое обследование все-таки началось. В течение июня-августа на территории,

прилегающей к бастиону, было обнаружено еще несколько могильных ям, в которых было захоронено, по предварительным подсчетам, еще около 80 человек. Найденные при них личные вещи позволяют с высокой степенью достоверности определить время и обстоятельства казней.

Особо значимым для историков стало вскрытие и частичное обследование могильной ямы, которая содержала останки не менее чем 17 человек, одетых в форму юнкеров Владивостокского военного училища. Известно, что юнкера-владимирцы приняли самое активное участие в антибольшевистском восстании, поднятом в Петрограде 29 октября 1917 года. Всеобщий Комитет спасения родины и революции – организацией,

пытавшейся объединить российскую демократию для противодействия большевистскому перевороту. Восстание было подавлено с использованием артиллерии; по данным историков, при этом погибло около 200 юнкеров, а более 70 человек пали жертвами самосуда. Погибшие были погребены в братских могилах на Преображенском кладбище, остальные красногвардейцы взяли под стражу. Часть юнкеров-владимирцев была отконвоирована в Петропавловскую крепость, где, по свидетельствам современников, около двадцати из них были расстреляны у стен крепости. Очевидно, именно их останки и найдены летом 2010 года.

Окончание на с. 3 ➤

> Продолжение. Начало на с. 1

Дед другой участницы акции, журналистка Вера Кочиной, который работал при Сталине санитарным врачом в кремлевской столовой, «чудом избежал расстрела». В 37–50-х годах он уходил на работу и каждый раз прощался со своими родными на всегда. Он был уверен, что его расстрелят. В марте 1938-го ее деду удалось уйти с опасного места работы. «Этот день он отмечал каждый год. Собирал всех родственников и отмечал. Он говорил: «У меня своя Пасха», – добавила Вера. В 1957 г., при Хрущеве, его, уже известного врача, арестовали. Однако, как отметил муж Веры журналист Вадим Кантор, «благодаря вмешательству Сахарова его упекли не так далеко и не так надолго». По словам Веры, причиной такой «реакции» стала фраза, произнесенная ее дедом в кругу друзей. «Он сказал: «У Хрущева самого руки по локоть в крови». За эту фразу он и сел», – добавила она.

Кантор уверен: «Если мы не будем помнить, что государство может стать преступником по отношению к своим гражданам, не исключено, что это повторится вновь». К счастью, семью Вадима репрессии тех лет обошли стороной. И тем не менее, он посчитал своим гражданским долгом быть в этот день на Лубянской площади. У Соловецкого камня Вадим не в первый раз. Он регулярно участвует в акциях «Мемориала», посвященных Дню политического заключенного в СССР.

Постоянными участниками акций памяти репрессированных стали и ученики московской Европейской гимназии. «Для нас это традиция – приходить сюда каждый год с лампадками, с цветами», – сказала учитель испанского языка Виктория Джаянгир, сопровождавшая учащихся гимназии в этом году.

У гимназистки Ксении Смирновой при Сталине в Москве был расстрелян прадедушка. «Бабушка мне рассказывала, что ее папа был репрессирован. Его звали Георгий, – коротко описала она историю прадеда.

По словам учительницы, в гимназии детям рассказывают про сталинские репрессии: «Конечно, это же наша история, от этого не уйти. Все это очень печально, но дети не должны повторять этих ошибок. Ведя почти в каждой семье были такие происшествия, и у учителей тоже». В семье Виктории жертвой режима стал дедушка. «Расстрелян он был, его посадили», – отметила она, вытирая слезы.

«Нет таких семей в России, которых не коснулись бы репрессии, – убежден другой участник акции, Николай Франк. – Это математически невозможно». Николай – из семи эмигрантов «первой волны», поэтому его семью репрессии обошли стороной. В настоящее время он живет за границей и пишет книгу «о семейной истории». На Лубянскую площадь 29 октября он пришел не для того, чтобы собирать материалы. «Меня пригласили, и, кроме всего прочего, я считаю, что прошлое нельзя забывать, какое бы они ни было – положительное или отрицательное», – выразил свою позицию Николай. На его взгляд, процесс «вспоминания» в обществе происходит медленно и «очень болезненно», способствовать же тому, чтобы россияне больше знали о таких трагических страницах истории, как сталинские репрессии, помогут акции, подобные «Возвращению имен».

По мнению председателя Правления Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» Арсения Рогинского, формат «Возвращения имен»

ВЧЕРА. СЕГОДНЯ. ЗАВТРА У СОЛОВЕЦКОГО КАМНЯ «ВОЗВРАЩАЛИ ИМЕНА» И ВЫСТУПАЛИ ЗА СВОБОДУ НЫНЕШНИХ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

30 октября

На следующий день на Лубянской площади в 15 часов состоялся митинг против политических репрессий и в защиту жертв политических преследований. Недалеко от Соловецкого камня организаторы акции – Правозащитный центр «Мемориал» и Движение «Солидарности» – установили грузовик, кузов которого стал своеобразной трибуной для выступающих. На импровизированную сцену выходили правозащитники и политики, говорившие главным образом о том, что в России продолжается «советская традиция» судебного преследования людей, негласных с политическим курсом власти. За последние 10 лет, как отметил на митинге правозащитник Сергей Ковалев, в России прошло не менее 200 политических процессов.

«Преемственность, увы, сохранилась – сегодняшними мы имеем много политзаключенных. То, что мы собирались, чтобы выступить в поддержку из обретения нынешних политзаключенных. «Неординарные» памятные акции жертв политических репрессий проходят не только в Москве. К примеру, уточнил Рогинский, в Сыктывкаре 29 октября учащиеся в акции в определенный час зажигают в своих квартирах свечи и ставят их у окон.

В последнее время, утверждает Рогинский, на высшем государственном уровне тема советского террора стала уделяться больше внимания: «Раньше этот вопрос вытекал из периферии сознания. Однако понимание, что менеджеры компании ЮКОС, это и учёные, эти и верующие мусульмане, это и политические активисты – сторонники Эдуарда Лимонова, например, которые сидят по тюрьмам за свою политическую деятельность», – уточнил он.

«Эзини сочтет, что многие молодые люди не понимают, насколько важно хранить память о тех событиях. «Мы по-прежнему живем в равнодушной стране», – констатировала Новодворская. – Если бы на этой площаи было 2 миллиона человек, в Хамовническом суде сидели бы не Лебедева и Ходорковского, а Путина и Медведева и всех их чекистскую клику». На взгляд политика, Россия пока не сделала первого шага к правовому государству – власть не раскрылась за заключенных по политическим мотивам в СССР, не выпустила на свободу нынешних «узников совести». «Пока этого не случится, реформы в России не будет», – уверена Новодворская. – Настоящие реформы начнутся только с того, что организация под таким названием ФСБ будет разогнана. Именно так начались реформы в демократических государствах. Настоящие реформы начнутся в тот день, когда здание, которое стоит за нашей спиной, та старая Бурбанская, будет снесено и на нем напишут «здесь танцуют», как когда-то написали на месте Бастилии».

«Позор», «Долой ФСБ!», «Долой ГУЛАГ!» – скандировали с полами выступающие участники митинга. «Долой репрессии!», «Свободу политическим заключенным!»,

30 октября

№ 100 2010

«Мы победим!», «Да здравствует свобода!»

На митинге в День памяти жертв политических репрессий не только говорили о тех, кто считается политическим заключенным «новой России», но и вспоминали пострадавших в советское время.

«Мы здесь, чтобы возложить цветы к памятнику», – поясняет женщина, поспешно укладывая цветы у Соловецкого камня, утопающего в красных гвоздиках. «Пришли сюда, потому что стали взрослыми, мы повзрослили», – добавляет она, глядя на свою dochь.

Одна из участниц митинга, Нина Георгиевна Шербакова, каждое 30 октября приходит на Лубянскую площадь. Для нее это особенный день. «У меня две такие тяжелые даты – День политзаключенных и 9 мая», – поделилась она. Ее родители, советское время были репрессированы – отец 10 лет прошел в Магадане «в страшных условиях», мать – в Коми ССР. Арестовали их, со слов Нины Георгиевны, в 1945 г., через год после того, как ее семья вместе с бывшими жителями Петербурга вернулась из «резервации» – вынужденной ссылки в Таллин. «Хорошо помню тот день, когда к нам пришли немцы. Мы все выстроились в колонну. Я шла самой последней, несла кастрюлю с кашей, по бокам – немцы, они меня не тронули. Так мы и дошли постепенно до Таллина», – вспоминает Нина Георгиевна. В 1944 г. советские войска освободили вынужденных советских переселенцев. «Все тогда стали говорить: «Вернемся на родину, вернемся на родину!». Мы и вернулись. Родиной оказалась город Красноармейск Саратовской области, – рассказала Шербакова.

Там был один священник – из КГБ. Он, как я вспомнила потом, пытался протолкнуть идею, что все, вернувшиеся из Таллина, восхваляют западную жизнь. В 1945 г. по 58-й статье быстренько-быстроенько всех и «протолкнули». Родители забрали, а нас с братом отправили в детский садик. Связь с родственниками у Нины Георгиевны возобновилась благодаря погибшим людям», – вспоминает Нина Георгиевна.

«Сейчас я вспоминаю, что мы

зали один из участников митинга, имя бывшего предпринимателя Михаила Ходорковского и Платона Лебедева, и менее известны имена учёных – Игоря Сутягина и Игоря Решетина, правозащитника Сергея Соколова, национально-большевиков Михаила Путина и Александра Рожкина, и сотрудника ЮКОСа, которые почти одновременно со своими начальниками стали подвергаться уголовному преследованию. Имена этих людей также значились на плакатах митингующих. Кроме имени и тонда занятия человека, там указывался и срок, на который он осужден решением суда. «Булан Гаянов, мусульманин, 7 лет лишился свободы» – гласил один из плакатов. «Россия не насилия», «Свободу политзаключенным» – было написано на других.

Лидер партии «Демократический союз» Валерия Новодворская, присутствовавшая на мероприятии в качестве гостя, держала пакет «Закромъя путинского ГУЛАГ». Ее выступление вызвало наибольшую эмоциональную реакцию публики. В частности, участники митинга аплодисментами отреагировали на ее слова о равнодушии российского общества. «Мы по-прежнему живем в равнодушной стране», – констатировала Новодворская.

«Если бы на этой площаи было 2 миллиона человек, в Хамовническом суде сидели бы не Лебедева и

Ходорковского, а Путина и Медведева и всех их чекистскую клику».

На взгляд политика, Россия пока не сделала первого шага к правовому государству – власть не раскрылась за заключенных по политическим мотивам в СССР, не выпустила на свободу нынешних «узников совести». «Пока этого не случится, реформы в России не будет», – уверена Новодворская. – Настоящие реформы начнутся только с того, что организация под таким названием ФСБ будет разогнана. Именно так начались реформы в демократических государствах. Настоящие реформы начнутся в тот день, когда здание, которое стоит за нашей спиной, та старая Бурбанская, будет снесено и на нем напишут «здесь танцуют», как когда-то написали на месте Бастилии».

«Эзини сочтет, что многие молодые люди не понимают, насколько важно хранить память о тех событиях. «Мы по-прежнему живем в равнодушной стране», – констатировала Новодворская. – Если бы на этой площаи было 2 миллиона человек, в Хамовническом суде сидели бы не Лебедева и

Ходорковского, а Путина и Медведева и всех их чекистскую клику».

На взгляд политика, Россия пока не сделала первого шага к правовому государству – власть не раскрылась за

заключенных по политическим мотивам в СССР, не выпустила на свободу нынешних «узников

совести». «Пока этого не случится, реформы в России не будет», – уверена Новодворская. – Настоящие реформы начнутся только с того, что организация под таким названием ФСБ будет разогнана. Именно так начались реформы в демократических государствах. Настоящие реформы начнутся в тот день, когда здание, которое стоит за нашей спиной, та старая Бурбанская, будет снесено и на нем напишут «здесь танцуют», как когда-то написали на месте Бастилии».

«Позор», «Долой ФСБ!», «Долой ГУЛАГ!» – скандировали с полами выступающие участники митинга. «Долой репрессии!», «Свободу политическим заключенным!»,

30 октября

№ 100 2010

«Мы победим!», «Да здравствует свобода!»

На митинге в День памяти жертв политических репрессий не только говорили о тех, кто считается политическим заключенным «новой России», но и вспоминали пострадавших в советское время.

«Мы здесь, чтобы возложить цветы к памятнику», – поясняет женщина, поспешно укладывая цветы у Соловецкого камня, утопающего в красных гвоздиках. «Пришли сюда, потому что стали взрослыми, мы повзрослили», – добавляет она, глядя на свою dochь.

Одна из участниц митинга, Нина Георгиевна Шербакова, каждое 30 октября приходит на Лубянскую площаи.

«Сейчас я вспоминаю, что мы

вася близкий к городу участок леса – Ковалевский лес.

Несмотря на все меры предосторожности по соблюдению строгой секретности казни, место захоронения убитых стало известно почти сразу. Осенью 1921 г. в Ковалевском лесу была задержана сотрудник «Геолкома» Мария Степановна Спиро. Из протоколов ее допросов становится понятно, что на могилу (могилы) расстрелянных по делу «Петроградской боевой организации» приходили родные и близкие, сама Спиро была там не один раз (она приходила к могиле своего близкого друга геолога В.М.Козловского).

28 декабря 1921 г. в Ковалевском лесу было обнаружено место массовых расстрелов и захоронений на территории бывшей «Петроградской боевой организации». М.С.Спиро была приговорена к принудительным работам. Расстрелы в Ковалевском лесу были прекращены в связи с «расстрелением».

В конце 1920-х (не ранее 1927, не позднее 1929) Ржевский полигон опытно создал основной расстрельный местом и оставался таковым как минимум до конца 1938 г.

Первые сведения о расстрелах в уроцище Койранканга стали известны от жителей бывших финских деревень Курумяки, Конконло, Лепсари в конце 1980-х – начале 1990-х.

В 2002 году на одном из деревьев в непосредственной близости от участка захоронений был обнаружен кладбищенский венок, прибитый на высоте более трех метров. Судя по сохранившемуся тексту венка, он привезен на дереве не сколько десятков лет.

Зимой 2003 года члены «Мемориала» М.Д.Мужлеба и А.В.Каленов установили табличку: «На этом месте в 1930-е годы были расстреляны тысячи людей. Не тревожь их могилы!»

8 октября 2008 года по личной инициативе члена «Мемориала» М.С.Пущинского был установлен крест с надписью: «Здесь в уроцище Койранканга, в 1920–1930-е годы были захоронены наши погибшие воины. Не тревожь их могилы!»

Последний артиллерийский полигон существует с конца XIX века. С этого времени до середины XX века территория полигона постоянно увеличивалась вслед за увеличением дальностью артиллерийских орудий. В начале 1920-х годов граница полигона проходила в 4–6 км от станции Ржевка Ириновской железной дороги. В 1927 году границы полигона были расширены, в северном направлении была проложена внутренняя дорога. С 1970-х годов территории полигона простирается до берега Ладожского озера, общая площадь составляет 76 000 га. Территория огорожена, посещение гражданами запрещено.

Ржевский артиллерийский полигон существует с конца XIX века. С этого времени до середины XX века территория полигона постоянно увеличивалась вслед за увеличением дальностью артиллерийских орудий. В начале 1920-х годов граница полигона проходила в 4–6 км от станции Ржевка Ириновской железной дороги. В 1927 году границы полигона были расширены, в северном направлении была проложена внутренняя дорога. С 1970-х годов территории полигона простирается до берега Ладожского озера, общая площадь составляет 76 000 га. Территория огорожена, посещение гражданами запрещено.

На состоявшихся 28 октября слушаниях НИЦ Петербургского отделения президент России Дмитрий Медведев, патриарх Московский и всея Руси Кирилл, Союз музеев России, видные деятели культуры Петербурга.

Осенью прошлого года «Мемориал» и Союз музеев России создали рабочую группу во главе с председателем Совета по правам человека Михаилом Плотниковым для проработки проекта музея-мемориального комплекса на территории бывшего артиллерийского полигона. «Сейчас самая главная проблема – установление границы полигона», – вспоминает Нина Георгиевна.

На состоявшихся 28 октября слушаниях НИЦ Петербургского отделения президент Совета по правам человека Михаилом Плотниковым для проработки проекта музея-мемориального комплекса на территории бывшего артиллерийского полигона. «Сейчас самая главная проблема – установление границы полигона», – вспоминает Нина Георгиевна.

На состоявшихся 28 октября слушаниях НИЦ Петербургского отделения президент Совета по правам человека Михаилом Плотниковым для проработки проекта музея-мемориального комплекса на территории бывшего артиллерийского полигона. «Сейчас самая главная проблема – установление границы полигона», – вспоминает Нина Георгиевна.

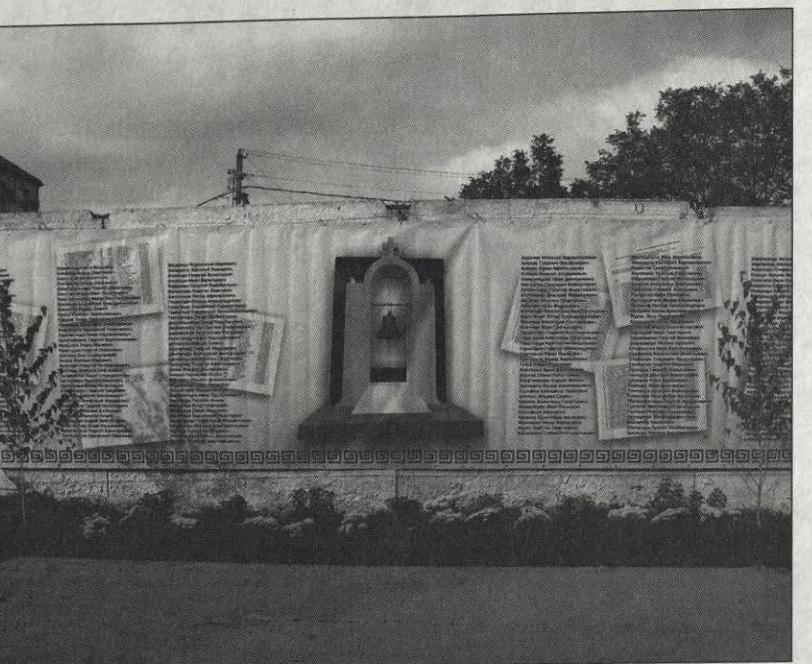
На состоявшихся 28 октября слушаниях НИЦ Петербургского отделения президент Совета по правам человека Михаилом Плотниковым для проработки проекта музея-мемориального комплекса на территории бывшего ар

В КРАСНОДАРЕ ПОЯВИТСЯ МОНУМЕНТ РЕПРЕССИРОВАННЫМ ГРЕКАМ

30 октября 2010 г., в День памяти политзаключенных, в Краснодаре на Всесвятском мемориальном кладбище состоялась церемония захоронения памятника «Грекам – жертвам массовых политических репрессий». Памятник будет установлен по инициативе Краснодарской городской общественной организации греков «Понтос». Его открытие состоится 25 марта 2011 г., в День независимости Греции.

Открыл и вел церемонию заместитель председателя правления общества «Понтос» Константинос Сачли. На траурном митинге выступил Иван Джуха, руководитель проекта «Греческий мартиногол» (история репрессий против греков в СССР), который осуществляется Ассоциацией греческих общественных объединений России с мая 2004 г. Он говорил о возвращении долга своему народу. В Краснодаре заложен первый в России памятник грекам, которые пострадали в годы массовых политических репрессий.

В ходе проведения операции против греков (декабрь 1937 – май 1938) в СССР было репрессировано около 22 тыс. греков. Наиболее пострадали греки в поселке Кабардинка Геленджикского района, в селе Мер-

было арестовано от 5500 до 6500 человек. Из всех арестованных 84,5% было расстреляно. Пострадали греки и в ходе принудительных миграций в 1942 и 1949 гг. Тогда были депортированы десятки тысяч человек. К концу 1954 г. в спецпоселении по всей территории СССР находилось 39 776 греков. Это не считая умерших во время транспортировки и высылки. В ходе церемонии заслуженная памятника была представлена последняя, четвертая по счету книга Ивана Джухи «Стой позади Парфенона», лежала перед Магаданом. Греки на Колыме», вышедшая в серии «История репрессий против греков в СССР».

На митинге также выступили председатель правления организации «Понтос» Дмитрий Попандопуло и председатель правления Ассоциации греческих общин Краснодарского края в Новороссийске Илья Канакидзе. Всего в мероприятии участвовало более 60 человек. Его освещало Новое телевидение Кубани.

Сергей Кропачев, председатель Правления Краснодарского общества «Мемориал»

Краснодар, Всесвятское кладбище. Изображение проекта будущего мемориала. На фотографии по обе стороны стены – списки репрессированных греков. Фото автора

ВО ВЛАДИВОСТОКЕ ПЕРЕЗАХОРИЛИ ОСТАНКИ ЖЕРТВ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ

Городские власти Владивостока готовы обсудить идею создания музеевой экспозиции, посвященной истории террора в годы сталинского режима. 7 ноября вице-мэр города Альфред Татарчук заверил, что администрация будет «расматривать этот вопрос вместе с обществом «Мемориал». Заявление произвучало вскоре после церемонии перезахоронения останков жертв политических репрессий, найденных в Приморском крае при строительстве дороги поселок Новый-Де-Фриз – Седанка-Патрок.

Церемония перезахоронения состоялась 3 ноября. Сама же история с обнаружением братских могил началась в октябре прошлого года, когда при прокладке федеральной трассы (в рамках подготовки столицы Приморья к саммиту АТЭС-2012) строители наткнулись на человеческие останки. С октября 2009-го до мая 2010-го никаких мер для обследования захоронений не предпринималось.

В конце апреля 2010 года прокуратура Советского района Владивостока констатировала, что мэрия города нарушила федеральный закон, своевременно не перезахоронила останки.

Администрация Владивостока не провела обследование местности в целях выявления возможных неизвестных захоронений. Кроме того, вопрос об их перезахоронении не решен», – цитировалась акт, составленный по итогам проверки, «Газета.ru».

Между тем причины для обследования были – о наличии здесь захоронений сохранились свидетельства, на основании которых несколько лет назад общество «Мемориал» установило поблизости памятный знак с надписью «Память жертв сталинских репрессий».

После проверки прокуратуры в мэрии объявили создание рабочей группы по перезахоронению жертв политических репрессий. И пояснили, что работы по изучению и сбору фрагментов человеческих останков начнутся в мае, «когда оттает земля».

Около 100 добровольцев

оперативной группы УВД и работников муниципального участного предприятия «Некрополь» приступили к извлечению останков 27 мая. Волонтеры исследовали участок площадью 200 на 150 метров. Глубина раскопов составила 2,5 метра. По информации вице-мэра Владивостока, из мест массовых захоронений было извлечено около 3,5 тонн останков.

Как уточнил председатель Владивостокского отделения Российского «Мемориала» Дмитрий Суходолов, эти останки 376 человек – тех, чьи братские могилы оказались на пути строящейся дороги. Погребение на выделенном для перезахоронения участке городского кладбища можно создать достойный мемориальный комплекс памяти жертв политических репрессий. «Во Владивостоке есть памятный камень, установленный на месте бараков для переселенных политических заключенных. Там мы собираемся каждый год в конце ноября, этой традиции уже 10 лет. Теперь у нас появилось еще одно памятное место, на котором, как мне кажется, можно создать достойный мемориальный комплекс. Хорошо, что могила расположена недалеко от дороги, ведь возраст репрессированных от 60 до 95 лет», – подчеркнула Захарова.

Командир поискового отряда «Авиапоиск» Ярослав Ливанский выразил уверенность, что ему и его единомышленникам удастся установить имена перезахороненных жертв сталинских репрессий. «Сегодня эти люди безымянны, но их имена обязательно будут установлены и написаны на табличках рядом с братской могилой. Мы планируем посетить Центральный архив ФСБ в Москве на Лубянке и найти сведения о тех, кого сегодня перезахоронили», – приводит слова Ливанского «PrimaMedia».

Со слов Суходолова, в архиве ФСБ по Приморскому краю утверждают, что сведениями о захороненных в могилах на новой трассе они не обладают. «В нашем ФСБ порекомендовали обратиться в краевое управление национальной политики, чтобы исполнение наказаний. Там удивились: мол, откуда у вас такие данные? Искать надо в Центральном архиве, – соглашается с поисками председатель Владивостокского «Мемориала» – Совершенно точно, что в ФСБ имеется интересующая нас информация. В 30-е годы учтут велась строгий.

По сообщениям СМИ и регионального «Мемориала»

будет предавать землю и новые останки, поскольку нам известны еще не исследованные места массовых расстрелов», – заявила после церемонии краевед Нелли Миз.

По мнению жительницы Владивостока Тамары Захаровой, на выделенном для перезахоронения участке городского кладбища можно создать достойный мемориальный комплекс памяти жертв политического режима, кто пал жертвой террора в застенках коммунистического режима, страдали до конца дней своих, унося с собой воспоминания о далекой родине.

Непокорный образ алтайского невольника олицетворяет в бронзе и отверженных начала 50-х, которые уже решительно требовали достойного к себе отношения, открыто и сплошенно выражая протест насилию и террору.

Так же как и в предыдущие годы Гулага, не все они возвратились в родные края.

Мое путешествие в Гулаг началось не с домашнего порога – другой сценарий, но тоже типичный. После моего извещения: «демобилизуюсь, обнимай вас!» – родители пришли с ожиданием этой минуты еще восьмех лет.

Но я все же получил подарок судьбы – вернулся в родную Москву!

Композиция «Прощание» – это

и символ памяти для миллионов граждан страны, на чьих глазах

были разрушены семьи, чьих отцов

и матерей увидели в наручниках.

Теперь в Алтайском пространстве есть святое место, где молодое поколение России может спокойно почтить память исчезнувших безвестных жертв разгула мракобесия в XX веке. Здесь можно было вместе без страха оказаться в цепях насилия.

Алтайский уникальный монумент весят уверенность, что и центральный Мемориал Гулага в столице будет символом незабываемой Памяти о беззубых трагических годах.

Алтайский уникальный монумент весят уверенность, что и центральный Мемориал Гулага в столице будет символом незабываемой Памяти о беззубых трагических годах.

Однако, несмотря на то что

всеобщий монумент в Гулаге, кто пережил Гулаг, помнит

часы отчаяния и дни долгих на-

дежд, принося огромную призна-

тельность творцам замысла, всем,

кто принял участие в создании это-

го исторического монумента. Всем,

кто пришел выразить скорбно-

горкую память жертвам насилия

и террора в нашем Отечестве. Низ-
кий поклон.

Лев Нетто,
увидник Норильска

Памятник «Прощание». Фото автора

вместе с ветераном Гулага Ромашкиным, который подошел к

Гулаге, кто пережил Гулаг, помнит

часы отчаяния и дни долгих на-

дежд, принося огромную призна-

тельность творцам замысла, всем,

кто принял участие в создании это-

го исторического монумента. Всем,

кто пришел выразить скорбно-

горкую память жертвам насилия

и террора в нашем Отечестве. Низ-
кий поклон.

Лев Нетто,
увидник Норильска

Памятник «Прощание». Фото автора

вместе с ветераном Гулага Ромашкиным, который подошел к

Гулаге, кто пережил Гулаг, помнит

часы отчаяния и дни долгих на-

дежд, принося огромную призна-

тельность творцам замысла, всем,

кто принял участие в создании это-

го исторического монумента. Всем,

кто пришел выразить скорбно-

горкую память жертвам насилия

и террора в нашем Отечестве. Низ-
кий поклон.

Лев Нетто,
увидник Норильска

Памятник «Прощание». Фото автора

вместе с ветераном Гулага Ромашкиным, который подошел к

Гулаге, кто пережил Гулаг, помнит

часы отчаяния и дни долгих на-

дежд, принося огромную призна-

тельность творцам замысла, всем,

кто принял участие в создании это-

го исторического монумента. Всем,

кто пришел выразить скорбно-

горкую память жертвам насилия

и террора в нашем Отечестве. Низ-
кий поклон.

Лев Нетто,
увидник Норильска

Памятник «Прощание». Фото автора

вместе с ветераном Гулага Ромашкиным, который подошел к

Гулаге, кто пережил Гулаг, помнит

часы отчаяния и дни долгих на-

дежд, принося огромную призна-

тельность творцам замысла, всем,

кто принял участие в создании это-

го исторического монумента. Всем,

кто пришел выразить скорбно-

горкую память жертвам насилия

и террора в нашем Отечестве. Низ-
кий поклон.

Лев Нетто,
увидник Норильска

Памятник «Прощание». Фото автора

вместе с ветераном Гулага Ромашкиным, который подошел к

Гулаге, кто пережил Гулаг, помнит

часы отчаяния и дни долгих на-

дежд, принося огромную призна-

тельность творцам замысла, всем,

кто принял участие в создании это-

го исторического монумента. Всем,

кто пришел выразить скорбно-

горкую память жертвам насилия

и террора в нашем Отечестве. Низ-
кий поклон.

Лев Нетто,
увидник Норильска

Памятник «Прощание». Фото автора

вместе с ветераном Гулага Ромашкиным, который подошел к

Гулаге, кто пережил Гулаг, помнит

часы отчаяния и дни долгих на-

дежд, принося огромную призна-

БОРИС ЗОЛОТУХИН: НИКОМУ И В ГОЛОВУ НЕ ПРИХОДИЛО НА МЕНЯ ДАВИТЬ

► Продолжение. Начало в № 99 2010 г.

В № 99 газета «30 октября» предлагала вниманию читателей первую часть интервью с Борисом Андреевичем Золотухиным. В 1968 году адвокат Золотухин вряд ли мог и мечтать, что в будущем ему суждено стать одним из авторов правовой реформы в нашей стране. Но именно в 1968 году его речь на первом и единственном в его жизни политическом процессе – «процессе четырех» – станет сенсацией. Интервью было взято этим летом, вскоре после юбилея Бориса Андреевича. Ему исполнилось 80 лет. Во второй части беседы Золотухин продолжает рассказ о подготовке своей знаменитой речи в защиту Александра Гinzбурга и о том, каким образом власть рассчитывалась с ним за то, что он пытался потребовать оправдания своего подзащитного.

– Борис Андреевич, как вы работали над речью? Вы писали ее или это было экспромт?

– Я хорошо помню, как я готовился к этой речи. Как любой, кто серьезно относится к своей профессии, экспромт я не мог позволить себе никогда. Речь – это ведь уже окончательная часть процесса. А процесс – это некое действие, спектакль, потому что надо предусмотреть и поведение своего подзащитного, и тональность, в которой он будет общаться с судом и свидетелями, и самому надо подготовиться. Профессия адвоката немногим сродни профессии актера, немного режиссера и немного литератора.

Конечно, я готовился к речи очень основательно. Писал какие-то куски, разговаривал кос с кем из коллег. Поговорить с товарищами, когда готовишься к речи, очень важно. Тогда ты получаешь большую свободу, ты уже проговорил что-то вслух, в суде произносишь не в первый, а то и не во второй раз. Вообще процесс подготовки к речи для меня, да и для моих товарищей, не был чем-то строго предписаным. Сам процесс и подготовка к нему не дают тебе покоя. Хочешь не хочешь, ты разговариваешь об этом деле. Разговариваешь дома, с коллегами на работе. Это и есть подготовка к процессу, это и есть своеобразная подготовка к речи. Я всегда писал процесс подготовки к речи, но никогда не брал написанное с собой. Потому что, если читать, получится доклад на профсоюзном собрании, никто не будет тебе слушать. Речь должна быть живая, в какой-то мере спонтанная, в чем-то она должна рождаться тут же, в момент произнесения. Я хорошо знал, о чем я буду говорить, бас с собой план, в котором изложена последовательность, может, какие-то отдельные необходимые мне фразы. Листок, ну, может, два – в зависимости от длины речи. Но полного текста у меня никогда не было.

Однако текст выступления в защиты Гinzбурга все же появился. То, что вы называете речью, это конспект, составленный некоторыми запретом кагзистов Людмилой Ильиничной – матерью Гinzбурга, и Ариной – его будущей женой. Они составили конспект на четырех или пяти страницах. И уже после приговора пришли ко мне в юридическую консультацию и принесли этот текст, впервые, чтобы я его посмотрел, и, во-вторых, они хотели получить от меня разрешение на распространение этого текста. Они поступили очень корректно, без моего разрешения они не стали бы его распространять, потому что это могло быть чревато для меня серьезными

ми последствиями. Я посмотрел текст и не внес никаких исправлений. Ну, конспект и конспект, никаких там рулад, цветов красноречия. Вообще в таких делах цвета красноречия неуместны. Это должно быть довольно суровое выступление, акцентичное. Такое оно и было, как мне кажется. Я разрешил это распространять.

Наверняка на процессе все наши речи записывались. Записывались не нами, а КГБ. Я думаю, что они даже и транслировались какими-то высокие кабинеты. Но, кроме того, во время прений сторон, на заключительной стадии процесса, было много разного начальства: из горкома партии, прокуратуры Союза, прокуратуры Федерации, Верховного суда. Речь моя, конечно, была достаточно острыя. И она выделялась на фоне выступлений моих товарищей тем, что я требовал оправдания.

В этом процессе все мои товарищи сказали очень удачные речи. Мне больше всего понравилась речь Арии в защиту Веры Лашковой – она была машинисткой, делала вроде бы всего лишь механическую работу. Ария не просил об оправдании, но произнес, как мне казалось, потрясающую речь. Но знаете, слово произнесенное и слово написанное – они настолько разные... Кто-то из прежних адвокатов говорил, что чуть ли не 60 процентов информации несет интонация в живой речи. «Есть речь – значены темно и читожно, но им без волнения внимать невозможно!». Вот что такое происходит. А то, что напали, лишь по содержанию похоже на то, что произнесено в суде. Речь, произнесенная в суде, производит другое впечатление. Она сказана в накаленной, наэлектризованной атмосфере процесса, присутствующими онаождется с волнением, не без волнения приступает к ней и адвокат. Проще всего, теперь надо подвести его итоги. На восприятие речи накладывается отпечаток ситуации на проявленного ожидания... Когда я читаю стенограммы выступлений выдающихся русских адвокатов и прокуроров, мне немножко скучно. Я могу представить, что если бы я был монологом. Он неизвестно напрасно, против всех законов, которые действуют в Советском Союзе, что его вины нет. Мне было несложно сказать такую речь, потому что само дело давало эту возможность. Обвинение очень плохо сработало. Они первоначально рассчитывали, что дело рассмотрят в закрытом судебном заседании, и мир узнает о нем из советских газет. Мы же работали как полагается. Дина Исаакова как-то написала: «Каким бы было дело, я считала всегда, что должна работать в полную силу».

Когда произносились речи защиты, очень волновались присутствовавшие в зале председатель коллегии адвокатов и его заместители. Речи отзвучали, к нам подошел прокурор, сказал, что благодарит за участие в процессе, это было неизвестно. Но виновником этого проходило более-менее спокойно. До марта. Наши друзья, актеры Театра Моссовета, достали нам билеты на спектакль «Странная миссис Сэвидж». Не знаю, помнят ли наши молодые современники великолепную актрису Фаину Раневскую? В этом спектакле играли Раневская и Плятт. Насладившись игрой великих актеров, возвращаемся домой, как всегда включаем «вражеские голоса» – передают конспект моей речи.

Теоретически я допускал, что это произойдет каким-то образом. От друзей-писателей я знал, что конспект моей речи уже «ходил» по Москве. Можно было найти его на столике в гостиной Дома литераторов, в Ленинской библиотеке в курилке, в институтах. В общем, как документ Самиздата речь уже была известна в определенных

кругах. Я честно сказать, об этом мало думал. А получилось так, что она попала за границу, во Францию, в журнал «Нувель обсерватор». И этот журнал ее опубликовал, перевел на французский, да еще снабдил таким названием: «Б.Золотухин: Моя речь в защиту Гinzбурга». То есть вроде как сам передал свою речь, что особенно взволновало.

Восстановили. Благодаря позиции, которую по этому делу, как ни странно, занял член политбюро Арвид Пельше, который возглавлял Комитет партийного контроля ЦК КПСС. Это была его инициатива.

На заседании Комитета на меня обрушилось огромное количество обвинений, обличных, фальшивых, непереносимых. Меня не восстановили в первый раз, предложили прийти через год. И через год ничего не изменилось в моей позиции. От меня требовали, чтобы я дал политическую оценку своей речи. Я не понимал, чего они хотят от меня. Я все время говорил одно и то же: «Какая должна быть адвокат-коммунист? Он должен защищать лучше, чем адвокат – не коммунист, или хуже, чем адвокат – не коммунист?» Это им очень не нравилось. Но Пельше, видимо, решил, что это не было опубликована моя речь, стало ясно, что Гinzбург ни в чем не виноват, что он осужден совершенно напрасно, против всех законов, которые действуют в Советском Союзе, что его вины нет. Мне было несложно сказать такую речь, потому что само дело давало эту возможность. Обвинение очень плохо сработало.

Они первоначально рассчитывали, что дело рассмотрят в закрытом судебном заседании, и мир узнает о нем из советских газет. Мы же работали как полагается. Дина Исаакова как-то написала: «Каким бы было дело, я считала всегда, что должна работать в полную силу».

Когда произносились речи защиты, очень волновались присутствовавшие в зале председатель коллегии адвокатов и его заместители. Речи отзвучали, к нам подошел прокурор, сказал, что благогарит за участие в процессе, это было неизвестно. Но виновником этого проходило более-менее спокойно. До марта. Наши друзья, актеры Театра Моссовета, достали нам билеты на спектакль «Странная миссис Сэвидж». Не знаю, помнят ли наши молодые современники великолепную актрису Фаину Раневскую?

В этом спектакле играли Раневская и Плятт. Насладившись игрой великих актеров, возвращаемся домой, как всегда включаем «вражеские голоса» – передают конспект моей речи.

Теоретически я допускал, что это произойдет каким-то образом. От друзей-писателей я знал, что конспект моей речи уже «ходил» по Москве. Можно было найти его на столике в гостиной Дома литераторов, в Ленинской библиотеке в курилке, в институтах. В общем, как документ Самиздата речь уже была известна в определенных

Я смог вернуться в адвокатуру в 1988 году, через три года после начала горбачевской перестройки. В двадцать лет профессиональной жизни я потерял.

Спрашивается, какое было мое участие в диссидентском движении? Вы знаете, у меня были друзья среди писателей, поэтов, художников до этого дела. Я был дружен со многими. Мы жили на улице Горького – это было перекрестье всех путей – на третьем этаже. Ну, и ко мне приходили диссиденты от евреев-отказников до Солженицина и Шафаревича. Всем нужен был юрист, которому они могли верить. Так что у меня была общественная юридическая консультация на дому. Очень удобно территориально – улица Горького, дом 6.

– Дело Гinzбурга было для вас первым политическим делом?

– Да. Первым и последним (смеется).

– Может ли вы назвать какие-то произведения Самиздата, которые как-то повлияли на вас?

– Не могу сказать, что на меня повлияло какое-то одно произведение. Атмосфера влияла. Жизнь влияла. Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

А Самиздат широко распространялся уже после процесса Гinzбурга. Стала выходить «Хроника текущих событий». Что-то появлялось, и что-то я читал до того, как сформировался Самиздат. Например, «Чонкина» (роман Владимира Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» – Прим. ред.). Помню, как у Войновича дома собирались Бенедикт Сарнов, Владимир Корнилов, Фазиль Искандер и я – мы читали фотографированные тексты Абурахмана Авторханова. Сидели, передавали свою позицию на конференции, а соображения государства могли всплыть на каждом из нас.

Вот почему я не могу сказать, что на меня повлияло какое-то одно произведение. Атмосфера влияла. Жизнь влияла.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального противостояния власти. Оно не проявлялось открыто. Московские кухни, бесконечные разговоры... Разумеется, мы были настроены против власти.

– Я уже говорил, что это было состояние интеллектуального

10 июля 1936 г. Особое совещание при НКВД СССР Красноярского края вынесло присовет 12 фигурантам дела № 4060, обвиняемым в контрреволюционной троцкистской деятельности. Незадолго до этого был объявлен вердикт относительно двух обвиняемых по тому же делу. Приговор всем четырнадцати знал одинаково: «такого-то, а в одном случае – такого-то» за контрреволюционную троцкистскую деятельность заключить в исправрудлагеря сроком на пять лет». Двенадцать из четырнадцати осужденных на момент ареста проживали в Красноярском крае на положении политзаключенных, восемь из них – в городе Минусинске. Почти все 14 до воротения на места ссылок отбывали сроки в политизоляторах и имели за плечами не сколько судимостей...

Мое внимание привлек человек совершенно неизвестный, практически выпавший из поля зрения и мемуаристов, и исследователей, занимающихся историей оппозиции и сопротивлением сталинскому режиму, а именно Иван Петрович Псалмопевцев. Жаль, что сказать о нем достаточно странно. Конечно, заинтересовалася редакция, звучная, поповская и какая-то «нетроцкистская фамилия». Но дело в том, что за рамками патока следственного дела героя моего рассказа не существует! Почти не существует... (Псалмопевцеву посыпаны коротенькие спаски в Красноярской «Книге памяти», книге памяти «Покаяние», изданной в Республике Коми, да в двух-трех музеях его фамилия упоминается среди других заключенных или согласных троцкистов... Могут и Интер нет). При всем неоднозначном отношении к собственно идеям приверженцев Льва Даудовича настаивает: Иван Петрович, бесспорно, достоин возвращения из небытия. Будет надеяться, настоящий рассказ станет первым шагом на этом пути.

«Подозрительная» открытика

Попробуем с помощью данных, приведенных в материалах дела, составить биографическую справку. Из анкетного опросника, с которого начинается первый протокол допроса (в день ареста 5 марта 1936 г.), следует:

Псалмопевцев Иван Петрович родился в 1897 г. в городе Козельске (бывшей Калужской губернии), на момент ареста проживал в Минусинске (улица Красных партизан, дом № 13), русский, гражданин СССР. В граfe «место работы» значится: «слесарь, работающий на дому», по социальному прошлому – из семья рабочего-отходника, социальное положение и до революции и после – рабочий (в другом документе указано совершенно невероятное социальное положение Ивана Петровича – служащий-слесарь!). Состав семьи: жена Костюк Евгения Александровна, заключенная Сузdalского или Ярославского политизолятора (Псалмопевцев не уверен, поскольку указывает на то, что с женой разведен), приемная дочь Баш Валентина Михайлова (21 год, замужня, где проживает – арестованный не знает), браты Алексей Петрович – 16 лет, Дмитрий – 11 лет, Виктор – 9 лет, сестра Анна – 18 лет, мачеха Анна Васильевна – 50 лет (все последние проживают в Сухиничском районе Западной области и все на иждивении ссыльного троцкиста Ивана Псалмопевцева!). Образование – высшее, окончил Коммунистический университет имени Свердлова. Состоял членом РКП(б) с 1916 г. До революции подвергался арестам за участие в забастовках, но судим не был. Недолго служил в царской армии; в Красной армии – с 1917 г. по февраль 1921 г., был комсисаром штаба дивизии. В 1920 г. был представлен к ордену «Красного знания» за боевые отличия на польском фронте, но орден не получил. С 1921 г. по 1926 г. избирался на различные партийные и профессиональные должности, работал в Москве, Житомире, Гродно, Ростове-на-Дону и Пятигорске. Из партии исключен в 1927 г. за принадлежность к оппозиции. В 1929 г. осужден Особым совещанием при ОГПУ по ст. 58-10 УК к 3 годам политизолятора, в 1932 г. Особым совещанием – к 2 годам политизолятора, в 1934 г. за контрреволюционную троцкистскую деятельность приговорен к 3 годам ссылки. В Минусинске, куда был направлен после освобождения из Сузdalской тюрьмы, находился с октября 1934 г. (Отметим: основной источник – «биографическая информация» – первый протокол допроса – один из немногих документов дела, под которым арестованный согласился поставить свою подпись...) О том, как Псалмопевцеву жилось в Минусинске, что он делал и с кем общался, можно судить только по обрывочным сведениям из материалов дела. В отличие от большинства ссыльных троцкистов, Псалмопевцеву удавалось зарабатывать деньги (на которые, как было сказано выше, он еще и содержал семью в далекой Западной области). Круг общения был, по-видимому, ограничен: Владимир Косир, жена Косира Мария Магда, Василий Дональд, Анатолий Дорошенко (с тремя последними

поддерживал силы и здоровье». О какой Вы говорите опасности, насторожу которой придется идти, не дожидаясь худших последствий?

Ответ: Я имел в виду, что всякие мои попытки получить работу без справки НКВД не приведут ни к каким результатам.

Начиная со 2 апреля Псалмопевцев опять никакого заметного участия в следствии не принимает: вызывают его на допросы редко, он либо молчит, либо односторонне отвечает, либо вечно грубит. Как, например, на вопрос следователя про А.П.Дорошенко – ключевую фигуру раскручиваемого чекистами дела:

Ответ: Я познакомился с Дорошенко в Верхне-Уральском изоляторе. Когда и при каких обстоятельствах известно НКВД.

«Пользовались ли вами воленами?»

Всплеска Псалмопевцева протоколы – документы, практически лишенные полезной информации. Что-то можно донести из содержания вопросов следователя. Например, оставленный без ответа вопрос, оказывали ли Псалмопевцев материальную помощь кому-либо из ссыльных троцкистов и если да, то кому и в чем эта материальная помощь выразилась... Можно предположить, что единственный из троцкистов «минусинцев», кто зарабатывал деньги (напомним – слесарничал на дому), социальное положение и до революции и после – рабочий (в другом документе указано совершенно невероятное социальное положение Ивана Петровича – служащий-слесарь!). Состав семьи: жена Костюк Евгения Александровна, заключенная Сузdalского или Ярославского политизолятора (Псалмопевцев не уверен, поскольку указывает на то, что с женой разведен), приемная дочь Баш Валентина Михайлова (21 год, замужня, где проживает – арестованный не знает), браты Алексей Петрович – 16 лет, Дмитрий – 11 лет, Виктор – 9 лет, сестра Анна – 18 лет, мачеха Анна Васильевна – 50 лет (все последние проживают в Сухиничском районе Западной области и все на иждивении ссыльного троцкиста Ивана Псалмопевцева!). Образование – высшее, окончил Коммунистический университет имени Свердлова. Состоял членом РКП(б) с 1916 г. До революции подвергался арестам за участие в забастовках, но судим не был. Недолго служил в царской армии; в Красной армии – с 1917 г. по февраль 1921 г., был комсисаром штаба дивизии. В 1920 г. был представлен к ордену «Красного знания» за боевые отличия на польском фронте, но орден не получил. С 1921 г. по 1926 г. избирался на различные партийные и профессиональные должности, работал в Москве, Житомире, Гродно, Ростове-на-Дону и Пятигорске. Из партии исключен в 1927 г. за принадлежность к оппозиции. В 1929 г. осужден Особым совещанием при ОГПУ по ст. 58-10 УК к 3 годам политизолятора, в 1932 г. Особым совещанием – к 2 годам политизолятора, в 1934 г. за контрреволюционную троцкистскую деятельность приговорен к 3 годам ссылки. В Минусинске, куда был направлен после освобождения из Сузdalской тюрьмы, находился с октября 1934 г. (Отметим: основной источник – «биографическая информация» – первый протокол допроса – один из немногих документов дела, под которым арестованный согласился поставить свою подпись...) О том, как Псалмопевцеву жилось в Минусинске, что он делал и с кем общался, можно судить только по обрывочным сведениям из материалов дела. В отличие от большинства ссыльных троцкистов, Псалмопевцеву удавалось зарабатывать деньги (на которые, как было сказано выше, он еще и содержал семью в далекой Западной области). Круг общения был, по-видимому, ограничен: Владимир Косир, жена Косира Мария Магда, Василий Дональд, Анатолий Дорошенко (с тремя последними

по 1935 г. находясь в ссылке, занимался размножением крамольных текстов, запрещенных им во всемогущими тайниками, в том числе пчелкой, во «втором дне» членами, в выдолбленных палочками корынинами (последние были приобщены к вещественным доказательствам дела № 4060)... Дорошенко жаждал активных действий по борьбе с преступным режимом сталинского политбюро, но быстро стал добычей агента-провокатора, разыгравшего перед неожиданным доверчивым троцкистом роль борца-единомышленника. В «Заявлении на имя Ягоды (от 5 апреля 1936 г.) подследственная

распространяла

закончивающую постановку дальнейших вопросов.

На этом протокол допроса почти заканчивается. «Почти» – поскольку далее следует своего рода «постскриптум». Подпись Псалмопевцева под протоколом есть, но она... зачеркнута, рукой же следователя сделана следующая приписка: «После того как протокол был подписан обвиняемым Псалмопевцевым, им же через некоторое время после повторной зачеки собственноручная подпись, учиненная на протоколе, была зачеркнута».

В деле есть еще один неожиданный документ: пустая, незаполненная «Анкета арестованного». Только на наверху слева написаны наискосок: «Псалмопевцевым, им же через некоторое время после повторной зачеки собственноручная подпись, учиненная на протоколе, была зачеркнута».

Вот и всё, что можно найти про

нашего героя в деле № 4060. Все его – почти ничего. Минимум информации. Свой пятилетний срок Псалмопевцев отбыл в Ухтинлаге. Если не знать финала, можно подумать, что фраза из письма, обращенного им к приемной docheri: «Не лучше ли пойти насторожу опасности, не дожидаясь, когда она окончательно подорвет силы и здоровье?» – означает готовность самому об оборвать свою жизнь. Но сделает это ему не дали... Уже через пару месяцев от прибытия в лагерь он участвует в знаменитой воркутинской голодовке троцкистов (октябрь 1936 – март 1937). В списке выявленных участников голодовки (всего в списке 191 человек), опубликованном в книге памяти «Покаяние», изданной в Республике Коми, Псалмопевцев один из немногих, на кого не приведено никаких сведений личного характера. Что означает – на момент составления (2005 г.) эти сведения отсутствовали. Причина же отсутствия, полагаю, – полный отказ Ивана Петровича от любых форм сотрудничества или контакта как со следствием, так и с лагерной администрацией. Приговор к ВМН тройки при УНКВД Архангельской области последовал 11 января 1938 г. Расстреляли не сразу, а 30 марта. Место расстрела троцкиста Псалмопевцева известно – Рудник Воркуты.

P.S. 29 июня 1960 г. замначальника управления КГБ при СМ СССР по Красноярскому краю подполковник с погонами Грабежев утвердил реабилитационное «Заключение» по делу № 4060. В «Заключении» отмечено, что «обвиняемый Псалмопевцев, категорически отвергая предъявленные ему обвинения в принадлежности к троцкистской организации, в городе Минусинске, отказался отдачи каких-либо показаний на допросах – молчит. Но...»..

заключение

